

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СТАТУС И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА

Г.А. Антипов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»

dr_eji2@yandex.ru

Основной тезис статьи заключается в том, что понятие экономической реальности не может быть проинтерпретировано с позиций категории «материя», хотя в марксистской традиции дело обстоит именно таким образом. Подобное было связано с присущей Марксу интенцией к непосредственному распространению в область экономического и вообще социального знания научной картины мира из сложившихся ранее научных форм естествознания. Но, как показывается в статье, научная картина экономического мира представлена формами культуры, статус которых принципиально иной, нежели у природных феноменов. К примеру, согласно Ф.А. Хайеку, он связывается с понятием «субъективность», у К. Поппера – с «Третьим миром».

Ключевые слова: знание, материя, рынок, экономика, экономические науки.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-146-155

В одной из своих работ Й. Шумпетер ставит вопрос, который может показаться странноватым с точки зрения представителя «нормальной», по известной характеристике Т. Куна [2], науки: «Является ли экономика наукой?» Пояснение, дававшееся им, таково: «Ответ на этот вопрос зависит, разумеется, от того, какой смысл мы вкладываем в понятие “наука”. В повседневном речевом обиходе, а также в академических кругах (особенно в англо-франкоязычных странах) этим термином (science) часто обозначаются только естественные науки и математика. Экономическая теория, как и все общественные дисциплины, в этот ряд, следовательно, не попадает. Не может она в полном объеме называться наукой и в том случае, если за критерий научности принимать использование методов,

аналогичных методам естественных наук. Если же мы примем лозунг “наука есть измерение”, то наукой можно считать лишь малую часть нашей отрасли знания. В этом нет ничего зазорного: назвать какую-то область знаний наукой – это не комплимент и не порицание» [11].

Не могу попутно не отметить удивительного смыслового совпадения приведенного рассуждения с тем, что говорил, правда, уже по поводу математики, другой титан науки XX века – Р. Фейнман: «Математика, с нашей точки зрения, не наука – в том смысле, что она не относится к *естественным* наукам. Ведь мерило ее справедливости отнюдь не опыт. Кстати, не всё то, что не наука, уж обязательно плохо. Любовь, например, тоже не наука. Словом, когда какую-то вещь называют не наукой,

это не значит, что с нею что-то неладно: просто не наука она, и всё» [6, с. 55].

Касательно подобных суждений нужно принимать во внимание особый план компетенции, в котором ставятся и могут обсуждаться подобные вопросы. Это модальность не самой науки, а модальность философии. Б. Рассел не вполне корректно обозначил философию чем-то промежуточным между теологией и наукой, «ничейной землей», располагающейся между ними [5]. Некорректность Рассела в том, что теология по способу мышления совпадает с философией. Как говорится в одной притче, и философ, и теолог ищут черную кошку в темной комнате, но теолог, в отличие от философа, ее иногда находит. Иными словами, теология догматична, претендует на абсолютные истины, философия же – нет. Если же обратиться к генезису европейской науки, можно увидеть, что христианская теология стала важнейшей предпосылкой для формирования науки [1].

В мышлении, в познании человеческой жизнедеятельности вообще возможны две существенно разные позиции, занимаемые мыслящим субъектом, познающим **Я**.

Одна из них может быть определена как арerefлексивная. Занимая ее, мыслящий субъект полагает предмет мышления как нечто внешнее по отношению к собственному **Я**, и в этом смысле как **не-Я**, что понятийно выражается словами «вещь», «тело», «объект», наконец «материя». Способность человека занимать данную позицию объективно обусловлена физической, телесной выделенностью его из окружающего мира. Этой морфологической выделенностью органических систем, а значит, и необходимостью их адаптации к внешнему миру обусловлено возникновение и существование психики вообще, начиная с простейших ее

видов, например элементарной сенсорной психики.

Но человеческая психика, мышление характеризуются еще только им присущей способностью полагать в качестве предмета мысли самое мысль, мыслящее **Я**. Это – рефлексия, а соответственно, позиция, выражающая данную направленность мышления, может быть квалифицирована как рефлексивная. Обратившись к энгельсовской формулировке «великого основного вопроса» философии, ее можно использовать как вполне корректное различие и противопоставление двух указанных позиций. Первичность, о которой говорит Ф. Энгельс, имеет смысл только в двух отношениях.

Материя (**не-Я**) первична по отношению к сознанию, если сознание отождествлять с формами практического опыта, а также с формами научного знания. Материализм выступает как их основание, как необходимая мировоззренческая предпосылка. О первичности материи, а точнее, практики в том смысле, который придал этой категории К. Маркс (материальная, чувственно-предметная, целеполагающая деятельность человека), правомерно говорить в плане происхождения сознания, имея в виду, что исторически исходной формой сознания выступает практический опыт. С этой точки зрения самосознание, рефлексия – вторичны. Как считал, например, немецкий философ К. Ясперс, формирование способности к самосознанию составило содержание «осевого времени» (800–200 гг. до н. э.). «Новое, возникшее в эту эпоху... – писал он, – сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы... Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление» [12].

Важно при этом учитывать, что и категория идеального, а «идеализм» философский есть отдавание ей примата, теряет смысл вне отношения к рефлексии, ибо она как раз и характеризует сознание с точки зрения свойства, обнаруживаемого им в актах осознания. Здесь ведь мы имеем отношение одной мысли к другой. Понятно, что к отношению подобного рода неприменимы никакие вещественно-энергетические характеристики. Теми же путями возникает и представление о душе, духе как о явлениях иной, чем тело, природы. В этих представлениях находит выражение рефлексивное восприятие проявлений своей собственной психической деятельности мыслящим **Я**.

Итак, материализм и идеализм суть выражение двух различных позиций, с которых может осуществляться мыслительная деятельность. Вектор первой ориентирует мышление «вовне» относительно мыслящего **Я**, вектор второй – «вовнутрь», на самое это **Я**. Уже введенное различие позволяет вполне определенно решить, скажем, вопрос о типе того знания, которым представлен психоанализ, понять механизмы его генезиса. По своей сути модель личности в теории психоанализа рефлексивна и в данном качестве не является формой научного знания в том смысле, в котором, например, маркируются наука и философия. В этом же качестве психоанализ альтернативен другим направлениям психологии, например научно-бихевиоральному: «Научающе-бихевиоральное направление занимается открытыми (доступными непосредственному наблюдению) действиями человека как производными от его жизненного опыта. В отличие от Фрейда и многих других персонологов, теоретики бихевиорально-научающего направления не считают нужным задумываться над психическими структурами

и процессами, скрытыми в “разуме”. Напротив, они принципиально рассматривают внешнее окружение как ключевой фактор человеческого поведения. Именно окружение, а отнюдь не внутренние психические явления, формируют человека» [10].

Итак, общей предпосылкой различий между философией и наукой служит несоответствие арефлексивной (наука) и рефлексивной (философия) позиций мышления. Наука представляет мир в форме объекта, как он существует «сам по себе», независимо от субъекта; философия видит мир в его человекообразности, через его отношение к субъекту. Философия есть рефлексия и экспликация оснований человеческой жизнедеятельности. Эти основания заключают мир смыслов. Смыслы не являются элементами телесного мира, их существование и свойства открываются не научным познанием как таковым, а рефлексией. Реальность смыслов имеет сверхчувственный характер. Психолог мог бы сказать, что «особость» данной реальности заключается в невозможности ее прямого наблюдения. Философская же рефлексия есть непосредственная экспликация всеобщих смысловых оснований человеческого бытия.

Не вполне понимаемое до сих пор обстоятельство заключается в том, что смыслы в своих взаимосвязях и отношениях образуют в ходе социальной эволюции независимые от индивидуальных сознаний, отдельных человеческих **Я** структуры (pattern). Впервые о них заговорил Платон, идентифицируя их как эйдосы, или идеи. Наиболее очевидными проявлениями объективности данного рода могут служить языковые и логические законы. Таковы же и паттерны, упорядочивающие экономику, или, по Хайеку, образующие «расширенный порядок человеческого сотрудничества».

О существовании подобных объективных структур, складывающихся независимо от чьего бы то ни было замысла, догадывался и Маркс. Подобным образом он характеризовал взаимосвязь производства и потребления, которую, правда, в духе своего гегельянства склонен был понимать как диалектику. Однако если бы ему попали в руки работы Норберта Винера, он, скорее, использовал бы что-то вроде принципа положительной обратной связи.

«Итак, – писал он, – производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее движение. Производство опосредует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредует производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами» [4].

Приведу еще один пример, демонстрирующий тот тип объективности, который присущ связям и отношениям в плане экономической реальности. Вот рассуждение Пола Хейне на этот счет: «Но что такое “техника мышления”? В самых общих чертах – это некая предпосылка о том, чем человек руководствуется в своем поведении. За удивительно редкими исключениями экономические теории строятся, опираясь на вполне определенную предпосылку, что индивидуумы предпринимают те действия, которые, по их мнению, принесут им наибольшую чистую пользу (т. е. пользу за вычетом всевозможных затрат или потерь, связанную с этими действиями). Предполагается, что каждый поступает в соответствии с этим правилом: скупой и расточи-

тель, святой и грешник, покупатель и продавец, политический деятель и руководитель фирмы, человек осторожный, полагающийся на предварительные расчеты, и отчаянный импровизатор» [9].

Мой тезис заключается в том, что марксистская традиция внесла в экономический анализ недопустимую путаницу, используя категории «материя», «материальное» для интерпретации явлений экономической реальности. Это привело к крайней степени вульгаризации в трактовках экономической и вообще социальной реальности, к их «овеществлению», как это происходило в классическом естествознании. Особенно ярко данный вульгаризм проявился в небезызвестной программе построения «материально-технической базы коммунизма». Отношения людей сводились к отношению вещей.

Первым, кто попытался, хотя и не совсем удачно, преодолеть «вульгарный социологизм», был Э. Дюркгейм, хотя (не совсем внятные) попытки этого рода можно найти также у Энгельса в его известных «Письмах по историческому материализму». Что же касается Дюркгейма, то он, обсуждая основания социологии, ставил вопрос следующим образом: что такое социальный факт? Ответ, на первый взгляд, звучит парадоксально, в противоречии как будто с только что сказанным: социальные факты нужно рассматривать как вещи. Это однако, как пояснял Дюркгейм, не значило «... что социальные факты – это материальные вещи, это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад» [2]. Не будучи вещами («телами»), социальные факты не тождественны и проявлениям индивидуального сознания, по отношению к ним социальные факты даны некоторым внешним образом и обладают «принудительной си-

лой». Разъяснение таково: «Они не только являются продуктами нашей воли, но и сами определяют ее извне. Они представляют как бы формы, в которые мы вынуждены отливлять наши действия» [2]. Только в последнем суждении налицо явное преодоление, так сказать, «вещизма» в интерпретации социальной реальности. Таким образом, социальная и экономическая реальности – суть реальности идеальные. В критическом рационализме К. Поппера они характеризуются как Третий мир, расположенный между миром физическим и миром человеческой субъективности.

Подытожить данную цепочку рассуждений можно, опять обратившись к Полу Хейне, сформулировавшему своего рода постулат: «Все социальные феномены берут начала в действиях и взаимодействиях индивидуумов, предпринимающих эти действия, исходя из ожидаемой дополнительной выгоды и затрат для самих себя» [10]. Таким образом, «выгоды» и «затраты», в их взаимосвязи, выступают как объективная, априорная, говоря кантовским языком, форма, задающая практические ориентации человека в экономической реальности. Кстати, Хайек в подобном контексте использует выражение «абстрактные схемы спонтанного упорядочения» [8].

Следует, однако, иметь в виду, что речь в последнем случае не идет об «абстрактном» в его связке с категорией «конкретное». По общему контексту рассуждений Хайека виден рефлексивный вектор использования этого понятия. Отсюда и общие его интерпретации экономической науки в качестве ментальной формы: «Действительно, деятельность, которую пытается объяснить экономическая наука, в определенном смысле касается не физических явлений, а людей. Экономическая ценность выступа-

ет как интерпретация физических фактов с точки зрения того, насколько разного рода физические объекты пригодны для удовлетворения наших потребностей в конкретных ситуациях. Следовательно, экономическую науку можно обозначить как *метатеорию* – теорию о теориях, создаваемых людьми для уяснения того, как наиболее эффективно обнаруживаются и используются различные средства для достижения всевозможных целей; вот почему последнее время я предпочитаю называть ее «каталлактикой» [от др. греч. *katalattaein* или *katalassein* – обмениваться, принимать в общество, общину, превращать из врага в друга]. В свете всего этого не так уж удивительны частые случаи, когда ученые-физики, сталкиваясь со свойственной такой теории аргументацией, обнаруживают, что это – чуждая для них сфера, или когда такие экономисты производят на них впечатление скорее философов, нежели “собственно” ученых» [Там же]. Нужно сказать, что подобное впечатление отнюдь не обманчиво. Но чтобы в этом разобраться, необходимо обратиться к процессам генезиса наук как естественных, так и социально-гуманитарных, к каковым относятся и социология и экономика.

Нужно сказать, что философия, включая сюда и христианскую теологию, стала для европейской науки своего рода порождающей структурой. В XVII веке совершается первая научная революция. Наука складывается как тип познавательной деятельности, что обычно находит выражение в понятии научной рациональности. Данное понятие характеризует науку в качестве мировоззрения, совокупности определенных идеалов, норм и ценностей. Мир, природа начинают мыслиться как арена действия слепых автоматизмов, «законов природы», самодвижения, инерции; мир – это механизм, функ-

ционирующий без вмешательства божественных сил. Вместе с тем появляется установка на эмпирическое, экспериментальное исследование природных сил, исключающее предположения, выходящие за границы эксперимента. Становятся принципиально невозможными аргументы вроде того, который приводил против Коперника М. Лютер: «Этот болван затеял перевернуть все искусство астрономии, а ведь Священное писание прямо указывает, что Иисус Навин приказал остановиться не Земле, а Солнцу». Начинается процесс «развода» философии (натурфилософии) и науки (естествознания). В основном он завершился к концу XIX века, став результатом второй и третьей научных революций.

В XVII веке уже предпринимаются попытки распространить принципы научной рациональности на мир человека. Первоначально они приобретают характер прямого переноса естественно-научной (механической) картины мира на «историю», поскольку та в основном и репрезентировала сложившиеся к тому времени представления об обществе. Характерный пример – научная исследовательская программа, разработанная И. Кантом.

Он исходил из того, что налицо видимое противоречие. Чтобы реализовать научный подход в понимании истории (общества), нужен феномен, существенным свойством которого выступает наличие сознания и «свободной воли», представить в виде объективной реальности, «естественно-исторического» процесса, т. е. способом, аналогичным тому, каким природа интерпретируется в контексте естественных наук. И. Кант постулирует принципиальную антиномичность данной ситуации: либо человек рассматривается как «естественное» природное существо, и тогда

аспекты сознания и свободы элиминируются; либо человек берется в качестве носителя духовного начала, и тогда происходит абстракция от тех отношений, где он ведет себя «подобно всем другим вещам в природе». Здесь уже действуют не природные законы, а моральные императивы.

Соответственно этому Кантом мыслились пути построения социальной науки (истории). Так, в статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант писал: «Какие бы понятия мы не составляли себе с метафизической точки зрения о **свободе воли**, необходимо, однако, признать, что проявления воли, человеческие поступки подобно всякому явлению природы определяются общими законами природы. История, занимающаяся изучением этих проявлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли **в совокупности**, то могла бы открыть ее закономерный ход, и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков. Так, браки, обусловленные иммигрированием и смерти, на которые свободная воля человека имеет столь большое влияние, кажутся не подчиненные никакому правилу, на основании которого можно было бы наперед математически определить их число. Между тем ежегодные данные о них в больших странах показывают, что они также происходят согласно постоянным законам природы, как те столь изменчивые колебания погоды, которые в единичных случаях нельзя заранее определить, но которые в общем непрерывно

и равномерно поддерживают произрастание злаков, течение рек и другие устройства природы» [3].

Из кантовской программы обоснования социального знания в целом видно, что наука о человеке, взятом как деятельное, целеполагающее существо, невозможна: будущи носителем духовного начала и свободы, человек выходит за пределы мира явлений, подчиняющихся причинной закономерности, необходимости. Его «всеобщая история» – это своего рода социальная механика, проектируемая по образцу небулярной гипотезы, изложенной И. Кантом во «Всеобщей естественной истории и теории неба». Подобно частицам вещества в первоначальной туманности, образующим под воздействием сил притяжения и отталкивания солнечную систему, люди в «бессмысленном ходе» своих дел реализуют некий «план природы», который и остается только открыть. Ведь породила же природа, писал Кант, «...Кеплера, подчинившего неожиданным образом эксцентрические орбиты планет определенным законам, и Ньютона, объяснившего эти законы общей естественной причиной» [3].

Но примерно в то же время начинается формироваться альтернативная кантовской научная исследовательская программа экономики. Ее конституирование связано с именем Адама Смита, со знаменитой метафорой «невидимой руки» рынка, а по сути дела речь шла о внеприродном, но объективном рыночном механизме, который координирует решения покупателей и продавцов. Если в естественно-научной картине мира того времени центральное место в объяснении природы занимала метафора механических часов, то у Смита – это сугубо абстрактный автоматизм, проявляющий себя в человеческой деятельности, практи-

ке. Хайек в данном случае говорит уже о «самоупорядочении», о «самоорганизующихся процессах».

Если же обращаться к аспекту онтологии, то всем этим намечался переход в плоскость культуры, культурных форм: к языку, морали, праву, «культурным механизмам». Но культура в определенном смысле – абсолютная противоположность натуры, что не может не находить отражения в модальности принципов ее научного познания. Однако в реальной истории науки, в генерировании научных исследовательских программ данная ситуация не нашла вполне адекватного осознания. Отмеченная выше альтернативность подходов в генерировании научных исследовательских программ в экономике сохраняется до сих пор.

От Конта и Маркса до Кейнса и Фридмана не прекращаются попытки строить экономические науки по образцам естествознания (физики). Вот, к примеру, рассуждение Милтона Фридмана: «Позитивная экономическая наука принципиально независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений. Как говорит Кейнс, она занимается тем, “что есть”, а не тем, “что должно быть”. Ее задачей является создание систем обобщений, которые можно использовать для корректных предсказаний тех следствий, к которым приведет любое изменение обстоятельств. О ее качестве следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она дает. Короче говоря, позитивная экономическая наука является или может явиться “объективной” наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук» [7].

Наряду с этим сохраняется и линия аргументации, идущая от Адама Смита. Сегодня она представлена новоавстрийской

школой экономической теории – Мизесом, Хайеком и другими. В их картине мира присутствует нечто такое, чему представители зафиксированной выше традиции не склонны придавать особого значения. Так, Фридман по этому поводу говорит: «Конечно, тот факт, что экономическая наука имеет дело с взаимоотношениями между людьми, а исследователь сам является частью исследуемого объекта в гораздо большей степени, чем в физических науках, создает особые трудности в достижении объективности. В то же время это дает исследователю социальных явлений класс данных, который недоступен исследователю физических явлений. Но ни то, ни другое не служит, на мой взгляд, фундаментальным различием между двумя группами наук» [7].

Я же полагаю, что налицо всё же различие принципиального плана. Дело не в том, что здесь «исследователь сам является частью исследуемого объекта», а в том, что исследователь включается в процесс коммуникации с феноменами исследуемой реальности, которые в соответствии с общими требованиями научной рациональности он должен представлять в форме объекта. В подобной ситуации ничуть не могут помочь отсылки к принципу неопределенности или к «чистой логике» теоремы Гёделя и т. п. Процесс языковой коммуникации принципиально не является физическим процессом. Вопрос в том, должны ли намеченные традиции сосуществовать соответственно пятому постулату евклидовой геометрии или же следует обращаться к постулатам неевклидовых геометрий?

Думается, заметим в виде гипотезы, что перспектива обоих подходов может быть всё же описана на основе постулатов Эвклида.

Литература

1. Антипов Г.А. От сверхъестественного – к естественному (от христианской теологии – к науке) // IV Сибирский семинар «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций» (Омск, 15–17 октября 2014 г.). – Омск, 2014. – С. 117–121.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – С. 394, 433.
3. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 7.
4. Маркс К. Введение (Экономические рукописи 1857–1858 годов) / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – М., 1958. – Т. 12. – С. 709–738.
5. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. – С. 19.
6. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Вып. 1–2. – М.: Мир, 1976. – 440 с.
7. Философия экономики: антология / под ред. А. Хаусмана. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – С. 179.
8. Хайек Ф.А. ван. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. – М.: Новости, 1992. – С. 144, 193–194.
9. Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: Дело, 1993. – С. 23.
10. Хейне П., Боутке П., Причитко Д. Экономический образ мышления. – 10-е изд. – М.: Вильямс, 2005. – С. 28.
11. Хьюелл А., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследования и применение. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – С. 154.
12. Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3 т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2001.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – (Мыслители XX в.). – С. 33.

ECONOMIC REALITY: STATUS AND PRINCIPLES OF ANALYSIS

G.A. Antipov

Novosibirsk State University
of Economics and Management

dr_eji2@yandex.ru

The main thesis of the article is that the concept of economic reality cannot be interpreted from the point of view of such a category as “matter”, although in the Marxist tradition this is exactly the case. This was associated with characteristic intention of Marx to direct transfer of the scientific picture of the world created by the earlier scientific forms of natural science into the area of economic and general social knowledge. However, as it is shown in the article, the scientific picture of the economic world is represented by the forms of culture that are fundamentally different from natural phenomena. For example, according to F.A. Hayek it is linked to the concept of “subjectivity”, according to K. Popper’s – with the “Third world”.

Keywords: knowledge, matter, market, economy, economic science.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-146-155

References

1. Antipov G.A. [From the supernatural to the natural (from Christian theology to a science)]. *IV Sibirskii seminar «Sovremennaya filosofiya v Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v kontekste traditsii i innovatsii»* [IV Siberian seminar “Modern philosophy in Russia: interdisciplinary research in the context of tradition and innovation”], Omsk, 15–17 October 2014, pp. 117–121. (In Russian)
2. Durkheim É. *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of Sociology]. Translated from French. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 394, 433.
3. Kant I. *Sochineniya*. V 6 t. T. 3 [Works. In 6 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl’ Publ., 1964, p. 7.
4. Marks K. Vvedenie (Ekonomicheskie rukopisi 1857–1858 godov) [Introduction (Economic manuscripts 1857–1858)]. K. Marks, F. Engel’s. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1958, vol. 12, pp. 717–718. (In Russian)
5. Rassel B. *Istoriya zapadnoi filosofii i ee svyazi s politicheskimi i sotsial’nymi usloviyami ot antichnosti do nashikh dnei* [History of western philosophy and its connection with the political and social conditions from antiquity to the present day]. Novosibirsk, NSU Publ., 2001, p. 19.
6. Feinman R., Leiton R., Sends M. Feinmanovskie lektzii po fizike. Vyp. 1–2 [Feynman lectures on physics. Vol. 1–2]. Moscow, Mir Publ., 1976. 440 p.
7. Khausman D., ed. *Filosofiya ekonomiki: antologiya* [The philosophy of the economy: anthology]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2012, p. 179.
8. Hayek F.A. von. *The fatal conceit: the errors of socialism*. London, Routledge, Chicago, University of Chicago Press, 1989. 180 p. (Russ. ed.: Khaiek F.A. van. *Pagubnaya samonadeyannost’: oshibki sotsializma*. Moscow, Novosti Publ., 1992, pp. 144, 193–194.
9. Heyne P.T. *The economic way of thinking*. Chicago, Science Research Associates, 1973. 289 p. (Russ. ed.: Kheine P. *Ekonomicheskii obraz myshleniya*. Moscow, Delo Publ., 1993, p. 23.
10. Heyne P.T. Boettke P.J., Prichitko D.L. *Economic way of thinking*. 10th ed. Upper Saddle River, New Jersey, Prentice Hall, 2003. 529 p. (Russ. ed.: Khaiek F.A., Boutke P., Prichitko D. *Ekonomicheskii obraz myshleniya*. 10th ed. Moscow, Vil’yams Publ., 2005, p. 28.).

11. Hjelte L., Ziegler D. *Personality theories: basic assumptions, research, and applications*. 3th ed., New York, McGraw-Hill, 1992 (Russ. ed.: Kh'ell L., Ziegler D. *Teorii lichnosti: osnovnye položeniya, issledovaniya i primeneniye*. St. Petersburg, Piter Press Publ., p. 154).

12. Schumpeter J. *Istoriya ekonomicheskogo analiza*. V 3 t. [History of economic analysis. In 3 vol.]

Translated from English. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2001. (In Russian)

13. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Translated from German. Moscow, Politizdat Publ., 1991, p. 33.